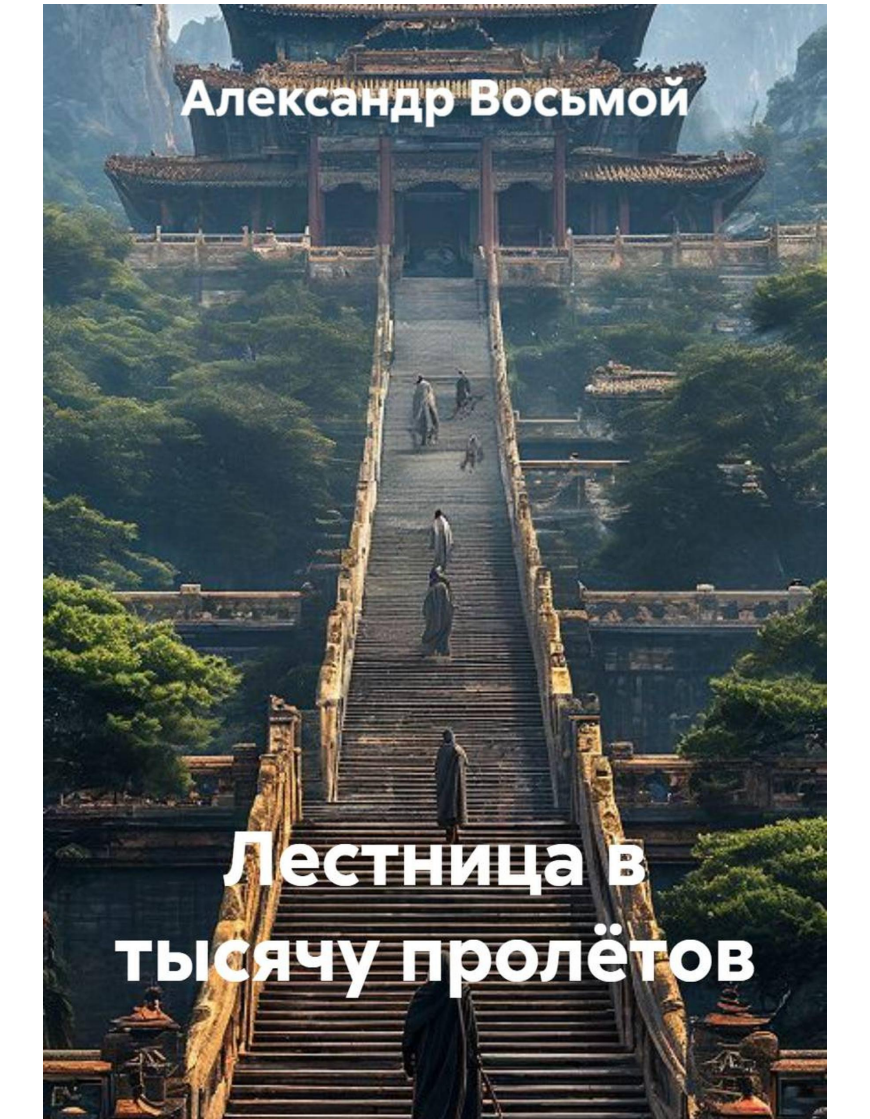

A wide, ancient stone staircase leads up to a traditional Chinese temple complex on a mountain peak. The temple has multiple tiers with ornate roofs and is surrounded by lush greenery. Several figures in traditional robes are walking up the stairs. The scene is set against a backdrop of misty mountains.

Александр Восьмой

**Лестница в
тысячу пролётов**

Александр Восьмой

Лестница в тысячу пролётов

<https://litres.ru/74312744>

SelfPub; 2026

Аннотация

Лестница в тысячу пролётов. Легендарная лестница, ведущая к небесному дворцу, насчитывает тысячу пролётов — и каждый охраняется своим испытанием. Молодой воин поднимается по ней, чтобы бросить вызов богам. Площади между пролётами — целые арены, где проходят битвы, меняющие ход истории.

Александр Восьмой

Лестница в тысячу пролётов

Глава 1. «Пролог: шёпот ступеней»

Ветер гнал по площади рваные клочья тумана, и казалось, будто сам воздух здесь был соткан из забытых имён. Площадь у подножия Лестницы раскинулась, как исполинский амфитеатр, высеченный из чёрного камня: её ярусы уходили вверх полукругом, образуя гигантские трибуны, где когда-то сидели тысячи зрителей. Теперь эти ряды были пусты, и тишина лежала на них тяжёлым покрывалом — такая густая, что в ней можно было утонуть.

Юноша стоял на самом краю, у первой ступени, и пальцы его невольно сжимались в кулаки. Его звали Кай, и он не знал, зачем пришёл сюда — знал только, что не мог остаться в стороне, когда Лестница позвала. Этот зов не звучал голосом, не бил в уши, как гром; он проникал глубже — в самую грудь, туда, где билось сердце, и заставлял его биться быстрее.

Первая ступень была широкой, как дорога, и холодной, словно лёд, хотя солнце ещё не ушло за горизонт. Едва Кай коснулся её носком сапога, камень отозвался — не звуком, а вибрацией, прошедшей сквозь подошву, сквозь кости,

сквозь всё его тело. И тогда он услышал шёпот.

Это не были слова, которые можно разобрать. Это были отголоски чужих шагов, чужие вздохи, чужие клятвы, застывшие в камне. Они сплетались в единый низкий гул, похожий на дыхание огромного спящего зверя. На каждой ступени — свой голос. На этой, первой, — голос того, кто сделал первый шаг и тут же пожалел об этом.

Кай поднялся ещё на одну ступень. Площадка между пролётами открылась перед ним во всей своей грандиозной пустоте: круглая, как арена, с высокими парапетами, за которыми терялись в дымке дальние ряды трибун. В центре площадки стоял обелиск, покрытый рунами, которые мерцали тусклым голубоватым светом, будто звёзды, упавшие на землю и застывшие в граните.

Он подошёл к обелиску и провёл пальцами по одной из рун. Камень под рукой дрогнул, и шёпот стал громче. Теперь в нём можно было различить отдельные фразы — обрывки, осколки чужих историй: «...не оглядывайся...», «...они ждут наверху...», «...не верь тишине...».

Кай отдёрнул руку, но было поздно. В тот же миг площадь изменилась. Тени, до этого спокойно лежавшие в углах, вдруг потянулись, удлинились, стали гуще и плотнее. Из-за парапетов показались силуэты — не люди, не звери, а сгустки мрака, принимавшие очертания тех, кто когда-то поднимался по этой Лестнице и не вернулся.

Они не нападали. Они просто стояли и смотрели. И в их

безмолвном взгляде было больше ужаса, чем в любом крике.

— Кто вы? — голос Кая прозвучал неожиданно громко, разорвав тишину, как клинок рвёт шёлк.

Тени не ответили. Но шёпот ступеней вдруг сложился в одно-единственное слово, прозвучавшее так отчётливо, будто его выкрикнули прямо над ухом:

— Иди.

Кай сжал рукоять меча, который до этого момента казался просто частью доспеха, а теперь вдруг стал единственным якорем в этом странном, зыбком мире. Он сделал шаг вперёд, на следующую ступень, и площадь за его спиной растворилась в тумане, будто её никогда и не было. Остались только ступени, шёпот и бесконечная дорога вверх.

Лестница приняла его. И теперь каждый его шаг отзывался не только в камне, но и в самой ткани мира, заставляя её дрожать от напряжения. Где-то высоко, там, где небо сливалось с мрамором ступеней, ждал небесный дворец. И боги, которые не любили гостей.

Но Кай уже не мог повернуть назад. Даже если бы захотел.

Глава 2. «Первый пролёт: клятва на рассвете»

Рассвет над Лестницей был не таким, как в обычных мирах. Он не разливался мягким золотом по крышам домов и не согревал землю ласковым теплом. Здесь свет рождался тяжело, будто пробивался сквозь толщу воды, и окрашивал ступени в кроваво-алый, словно сама Лестница истекала

светом, как раной.

Кай поднялся на площадку первого пролёта и замер. Пространство здесь было не просто большим — оно подавляло своей масштабностью. Площадка раскинулась, как гигантская церемониальная площадь, вымощенная плитами из тёмно-серого гранита, исчерченного прожилками, похожими на застывшие молнии. По периметру, в строгом строю, высились статуи павших воинов — десятки фигур в доспехах, с опущенными мечами и лицами, скрытыми под глухими шлемами. Они стояли так плотно, что между ними едва можно было протиснуться, и казалось, будто это не камень, а живые стражи, лишь на мгновение задержавшие дыхание.

В центре площади возвышался алтарь — не из золота и не из мрамора, а из странного чёрного металла, который поглощал свет, не отражая его. На его поверхности мерцали руны, вспыхивающие и гаснущие в такт невидимому ритму, словно алтарь дышал.

Едва Кай ступил на площадь, статуи шевельнулись — не резко, не угрожающе, а едва заметно: один из воинов чуть приподнял голову, другой повернул плечо, третий слегка сдвинул меч. Это было движение не плоти, а самой памяти, застывшей в камне. И от этого становилось ещё страшнее.

— Ты пришёл за силой, чтобы бросить вызов богам, — прозвучал голос, хотя вокруг не было ни души. Он исходил отовсюду и ниоткуда, вибрируя в груди, заставляя зубы звенеть. — Но сила — это не клинок и не броня. Сила — это

слово, которое ты готов нести до конца, даже если оно убьёт тебя.

Кай сжал рукоять меча. Его пальцы побелели от напряжения.

— Что ты хочешь от меня? — спросил он, стараясь, чтобы голос не дрожал.

— Клятву, — отозвался голос. — Не пустую, не для красивых слов. Клятву, которая станет твоим оружием и твоим проклятием. Скажи то, что ты не сможешь нарушить, даже если весь мир будет умолять тебя отступить.

Ветер пробежал по площади, взметнув пыль, и статуи снова шевельнулись, будто прислушиваясь. Кай оглянулся на них, и на мгновение ему показалось, что под шлемами сверкнули глаза.

Он сделал шаг к алтарю. Металл под ногами был холодным, почти ледяным, и холод этот проникал сквозь сапоги, поднимался вверх, сковывая ноги, заставляя остановиться. Но он не остановился.

— Я клянусь, — произнёс Кай, и его голос прозвучал неожиданно твёрдо, будто кто-то другой говорил его устами, — что не отступлю, пока не увижу лица тех, кто сидит в небесном дворце. Я клянусь, что не прощу им равнодушия к тем, кто страдает внизу. И если эта клятва станет моим проклятием — пусть так и будет. Пусть она жжёт меня изнутри, но не даст свернуть с пути.

Как только последние слова сорвались с его губ, руны на

алтаре вспыхнули ослепительно-белым светом. Площадь содрогнулась, будто сама земля вздохнула. Статуи павших воинов разом подняли головы, и под шлемами не было лиц — только тьма, густая и бездонная, в которой мерцали крошечные огоньки, похожие на звёзды.

И тогда статуи заговорили — не все сразу, а по очереди, низким, скрежещущим голосом, в котором слышался лязг мечей и крики битв:

— Твоя клятва услышана.

— Она станет твоим щитом.

— И твоим цепями.

— Иди дальше.

Свет рун погас так же внезапно, как и вспыхнул, и площадь снова погрузилась в полумрак, окрашенный алыми отблесками рассвета. Но теперь в воздухе витало нечто новое — тяжесть, которую можно было почти потрогать. Клятва обрела форму, стала частью мира, и каждый её слог теперь был высечен не только в камне, но и в судьбе Кая.

Он оглянулся назад, туда, где терялся в тумане нижний пролёт. Вернуться было уже невозможно — не потому, что путь перекрыли, а потому, что клятва не позволяла. Она держала его крепче любых цепей, направляя вперёд, к следующему испытанию.

Кай поднял взгляд к следующему пролёту. Ступени там уходили вверх, теряясь в облаках, и казалось, что они ведут не просто выше, а в другой мир — мир, где правила были иными, а цена каждого шага измерялась не временем, а душой.

Он шагнул вперёд. И первый пролёт остался позади — как рубеж, который нельзя пересечь дважды.

Глава 3. «Второй пролёт: эхо чужих побед»

Ступени второго пролёта были иными — не просто каменными, а словно сотканными из памяти. Каждый шаг отдавался не глухим стуком, а вспышкой: перед глазами Кая мелькали обрывки чужих битв, чужие победы и чужие поражения, будто сама Лестница пыталась показать ему, сколько судеб уже разбилось о её гранитные рёбра.

Он сделал шаг — и на мгновение оказался посреди бескрайнего поля, залитого багрянцем заката. Вокруг ревели боевые барабаны, звенела сталь, и воздух был густ от запаха железа и дыма. Он видел воина в алых доспехах — тот смеялся, поднимая клинок к небу, и в этом смехе было столько безумия и торжества, что у Кая защемило сердце. А в следующий миг поле исчезло, и он снова стоял на ступени, только эхо крика ещё звенело в ушах.

Ещё шаг — и перед ним развернулась осада города, чьи стены были выше облаков. Огромные осадные башни ползли по равнине, словно живые чудовища, а с башен летели ог-

ненные стрелы, превращая небо в пылающую сеть. Он чувствовал жар пламени даже сквозь время, слышал, как дрожит земля под тяжестью тысяч ног. И снова — вспышка, и он опять на Лестнице, а перед глазами пляшут огненные пятна.

Площадка второго пролёта встретила его не статуями и не алтарями, а зеркалом — но не обычным, а таким огромным, что оно занимало почти всю площадь. Его поверхность была не гладкой, а будто рябой, как вода в бурю, и в этой ряби мелькали лица, жесты, движения — отголоски тысяч историй, застывших в отражении.

Кай остановился на краю площадки, чувствуя, как его собственное дыхание становится чужим в этом пространстве, где прошлое дышало рядом, касалось плеч, шептало на ухо. Он медленно подошёл к зеркалу, и отражение встретило его раньше, чем он успел осознать.

Это был он — и не он. Тот же рост, те же черты, тот же меч на поясе... но глаза — холодные, почти ледяные, в них не было ни сомнений, ни страха, ни жалости. В этом отражении Кай увидел воина, который уже прошёл тысячу битв и перестал считать потери. Его поза была расслабленной, но в ней чувствовалась смертельная готовность — он был готов ударить в любую секунду, не задумываясь.

— Ты думаешь, что знаешь, чего хочешь, — произнёс отражение, и голос его был точной копией голоса Кая, только в нём не было дрожи, только сталь. — Ты говоришь о клятве, о справедливости, о тех, кто страдает внизу. Но когда перед

тобой встанет выбор — спасти одного или победить врага, — ты выберешь победу. Потому что иначе ты не поднимешься выше.

Кай сжал кулаки, чувствуя, как внутри поднимается волна гнева — не на отражение, а на правду, которую оно проносило.

— Я не стану таким, — сказал он, и слова прозвучали твёрдо, но где-то в глубине души он знал, что это может быть ложью.

Отражение усмехнулось — лёгкой, едва заметной усмешкой, от которой по спине пробежал холодок.

— Станешь. Или не поднимешься. Лестница не любит половинчатости. Она хочет видеть, на что ты готов пойти. Покажи мне, что ты не просто мечтатель с мечом. Покажи, что ты способен заплатить настоящую цену.

И тогда зеркало пошло рябью, и из него начали выходить фигуры — не призраки, не тени, а воплощения битв: воины, павшие в разных эпохах, с мечами, копьями, луками, в доспехах из разных миров. Они не нападали сразу — они выстраивались в круг, образуя арену, границы которой были очерчены не камнем, а самой памятью о сражениях.

Кай понял: испытание второго пролёта — не в том, чтобы победить этих воинов, а в том, чтобы встретиться с той частью себя, которая готова была идти до конца любой ценой. И если он отвергнет эту часть, Лестница сбросит его вниз. Если примет — она станет его проклятием и его силой.

Он медленно вытащил меч. Сталь отозвалась тонким звоном, будто пробуждаясь от долгого сна. В этот момент рябь на зеркале замерла, и отражения воинов застыли, глядя на него с ожиданием.

— Я не хочу становиться бесчувственным, — тихо произнёс Кай, глядя не на воинов, а на своё отражение. — Но я не отступлю. Пусть цена будет высокой, но я заплачу её. И если мне придётся стать жёстче, чтобы дойти до небесного дворца и бросить вызов тем, кто там сидит, — пусть так и будет. Но я сохраню то, ради чего начал этот путь.

Как только слова прозвучали, зеркало вспыхнуло ослепительным светом, и воины из отражений растворились, оставив после себя лишь лёгкий звон металла в воздухе. Отражение в зеркале снова стало обычным — в нём был просто юноша с усталыми глазами и твёрдой линией губ.

Площадь второго пролёта затихла, но теперь тишина была иной — не гнетущей, а наполненной смыслом. Кай понял: Лестница не требовала от него стать чудовищем. Она проверяла, сможет ли он нести тяжесть своей решимости, не потеряв себя.

Он поднял взгляд к следующему пролёту. Ступени уходили вверх, теряясь в серебристой дымке, и казалось, что каждый следующий шаг будет тяжелее предыдущего — не из-за высоты, а из-за того, что теперь он нёс в себе не только свою волю, но и эхо чужих побед, ставшее частью его пути.

Кай сделал шаг вперёд. Второй пролёт остался позади —

как урок, который нельзя забыть.

Глава 4. «Третий пролёт: площадь бурь»

Кай ступил на третью площадку — и мир перевернулся.

Не метафорически, не в ощущениях — буквально: здесь небо и земля поменялись местами. То, что должно было быть почвой под ногами, стало бездонной пустотой, уходящей вниз в бесконечность, а над головой раскинулось перевёрнутое небо — тяжёлое, свинцовое, изрезанное молниями. Ступени третьего пролёта уходили вверх, будто вырастая из самой бури, и каждый их изгиб казался вызовом законам природы.

Площадь бурь была не просто ареной — это был живой шторм, обретший форму. Ветер здесь не дул — он рвал, выдирая дыхание из груди, швыряя Кая из стороны в сторону, словно тряпичную куклу. Молнии били не сверху, а снизу: они вырывались из бездны под ногами и вонзались в тучи, рисуя в воздухе ослепительные узоры, похожие на вены исполинского существа.

Кай прижался спиной к одной из ступеней, пытаясь удержаться на ногах, но даже камень под пальцами дрожал, будто сам хотел сорваться в эту перевёрнутую пропасть. Его плащ хлестал по плечам, как сотня острых лезвий, волосы липли к лицу, а в ушах стоял такой рёв, что собственные мысли казались тихим шёпотом, который тут же уносило ветром.

— Здесь не нужно сражаться! — голос прозвучал не сна-

ружи, а внутри головы, пробиваясь сквозь грохот, как игла сквозь броню. — Здесь нужно услышать! Услышать ритм бури!

Кай стиснул зубы. Он не понимал, что значит «услышать» в этом безумии. Здесь не было тишины — только хаос, только ярость стихий, только бесконечный крик ветра.

Он закрыл глаза, чтобы не видеть, как мир выворачивается наизнанку, и попытался сосредоточиться на звуках. Сначала это было невозможно: ветер ревел, молнии трещали, ступени стонали под напором стихии. Но постепенно, сквозь этот оглушающий шум, он начал различать другой звук — низкий, вибрирующий гул, который шёл не от ветра и не от молний, а будто из самой сути этого места. Это был пульс площади бурь — её собственный ритм, скрытый за какофонией хаоса.

Кай начал двигаться в такт этому ритму — не шагами, а едва заметными наклонами тела, подстраиваясь под волну бури. Он чувствовал, как ветер пытается сбить его, но теперь он не сопротивлялся всей своей массой — он скользил по потокам, как лезвие скользит по воде.

Когда он открыл глаза, мир всё ещё был перевёрнут, но теперь в этом безумии появилась структура. Молнии били не хаотично — они следовали определённому узору, повторяя один и тот же рисунок каждые несколько секунд. Ветер не был случайным — он накатывал волнами, и между этими волнами были мгновения тишины, едва уловимые, но реаль-

ные.

На краю площадки, там, где бездна встречалась с небом, появилась фигура — не человек, не бог, а воплощение самой бури: силуэт из вихрей и молний, с глазами, горящими электрическим светом.

— Ты слышишь меня? — спросил вихрь, и его голос был похож на раскат грома.

— Слышу, — выдохнул Кай, стараясь не потерять равновесие.

— Тогда танцуй со мной, — произнёс вихрь, и в тот же миг буря изменила свой ритм. Теперь волны ветра шли быстрее, молнии били чаще, а сама площадь начала вращаться, словно гигантская карусель, готовая сбросить любого, кто не удержит равновесие.

Кай не стал сражаться. Он начал двигаться.

Его шаги были не просто шагами — это были удары в такт ритму бури. Каждый раз, когда молния рассекала небо, он делал выпад, используя энергию разряда, чтобы усилить своё движение. Каждый раз, когда ветер пытался сбить его с ног, он поворачивался так, чтобы поток пронёсся мимо, не задев его.

Постепенно он начал чувствовать, что не просто подстраивается под бурю — он ведёт её. Его движения становились всё увереннее, и буря, словно живое существо, начинала следовать за ним, повторяя его ритм. Молнии теперь били не куда попало, а очерчивали вокруг него защитный круг. Ве-

тер больше не пытался его сбросить — он поддерживал его, подталкивая вперёд, к следующей ступени.

Вихрь-страж смотрел на него, и в его электрических глазах появилось что-то похожее на уважение.

— Не многие слышат тишину среди ветра, — прогремел он. — Ещё меньше тех, кто может заставить бурю танцевать под свою руку. Ты прошёл испытание третьего пролёта.

С этими словами вихрь рассыпался на тысячи искр, которые взмыли вверх и растворились в перевёрнутом небе. Буря начала стихать, и мир медленно возвращался в нормальное положение: земля снова оказалась под ногами, а небо — над головой.

Площадка бурь затихла, оставив после себя лишь влажный воздух и запах озона. Ступени третьего пролёта теперь выглядели иначе — не как препятствие, а как путь, который он заслужил.

Кай поднял взгляд к следующему пролёту. Ступени уходили вверх, теряясь в лёгкой дымке, и казалось, что каждый следующий шаг будет не просто преодолением высоты, а встречей с чем-то, что потребует от него ещё большей глубины — не силы, не ярости, а понимания.

Он сделал шаг вперёд. Третий пролёт остался позади — как урок, который изменил не только его путь, но и то, как он слышал мир.

Глава 5. «Четвёртый пролёт: тени на ступенях»

Четвёртый пролёт встретил Кая не громом и не огнём, а тишиной — но такой густой и плотной, что она давила на плечи тяжелее любой брони. Ступени здесь были покрыты тонким слоем пепла, будто время само осыпалось с них, превращаясь в серую пыль. С каждым шагом пепел взмывал в воздух, кружился и тут же оседал, но стоило ему коснуться камня, как он начинал шевелиться, сплетаясь в очертания фигур — нечёткие, полупрозрачные, но с каждой секундой всё более плотные.

Тени становились осязаемыми.

Они не бросались на Кая с клинками и не пытались столкнуть его вниз. Они подходили почти вплотную, склонялись к самому уху и шептали — так тихо, что слова будто рождались не снаружи, а внутри его головы.

«Ты устал», — шептала тень слева, и в её голосе слышалась такая знакомая усталость, что у Кая предательски дрогнули пальцы.

«Ты не сможешь дойти», — вторила другая, чуть позади, и в этом шёпоте была не злоба, а почти жалость — от этого становилось страшнее.

«Зачем ты идёшь туда, где тебя не ждут? Там нет справедливости, только холод и равнодушие».

Кай стиснул рукоять меча, но не вытащил клинок — потому что сражаться здесь было не с кем. Тени не были врага-

ми, которых можно поразить ударом. Они были правдой — той, которую он старательно прятал даже от самого себя.

Площадка четвёртого пролёта оказалась не круглой ареной, а чем-то вроде гигантского зала без крыши. Стены таялись в темноте, а вместо потолка над головой висело бесконечное полотно теней, в котором мелькали силуэты тысяч тех, кто когда-либо поднимался по Лестнице. В центре зала стоял одинокий постамент, а на нём — фигура в потрёпанных доспехах, с опущенной головой и сломанным клинком, лежащим поперёк колен.

Это был не призрак в привычном смысле — не мерцающий силуэт, готовый растаять от одного резкого движения. Это был человек, который когда-то был здесь, шёл тем же путём, и не смог дойти. Его глаза были пусты, но в них всё ещё тлел слабый огонёк — не надежды, а памяти.

— Ты слышишь их? — голос призрака был хриплым, будто он не говорил годами, и каждый звук давался ему с трудом. — Они не лгут. Они просто показывают тебе то, что ты боишься признать.

Кай остановился в нескольких шагах от постамента. Он хотел сказать что-то твёрдое, уверенное — но слова застряли в горле, потому что тени вокруг шептали слишком верно.

— Я... я не отступлю, — наконец произнёс он, и даже ему самому эти слова показались слишком громкими для этой тишины.

Призрак едва заметно усмехнулся — не насмешливо, а

устало, как человек, который уже слышал эти клятвы тысячи раз.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.